

Межрегиональная сходимоть в России

1 октября 2012 г.

Автор: Сергей Гуриев, ЦЭФИР/РЭШ.

В 1990-е гг. в России не наблюдалось межрегиональной сходимости, но после 2000 года ситуация резко изменилась. Хотя межрегиональные различия в уровнях ВВП на душу населения все еще сохраняются, различия в доходах и заработной плате существенно снизились. Межрегиональное перераспределение бюджетных средств никогда не играло в России значительной роли, поэтому для понимания межрегиональной конвергенции необходим анализ внутренней мобильности капитала и рабочей силы. Рынок капитала в российских регионах интегрирован – в том смысле, что местные инвестиции не зависят от местных сбережений. Кроме того, снизились барьеры, препятствующие мобильности рабочей силы. Сегодняшняя ситуация сильно отличается от 1990-х годов, когда многие бедные регионы России попали в «ловушку бедности»: потенциальные работники хотели покинуть регион, но у них не было денег на переезд. После 2000 года (особенно в конце первого десятилетия) эти барьеры практически исчезли. Общий рост доходов, а также развитие финансового рынка и рынка недвижимости позволило даже беднейшим регионам России вырваться из «ловушки бедности». Это привело к сходимости на российском рынке труда; в настоящее время межрегиональные различия в доходах, заработной плате и уровнях безработицы сопоставимы с таковыми в Европе.

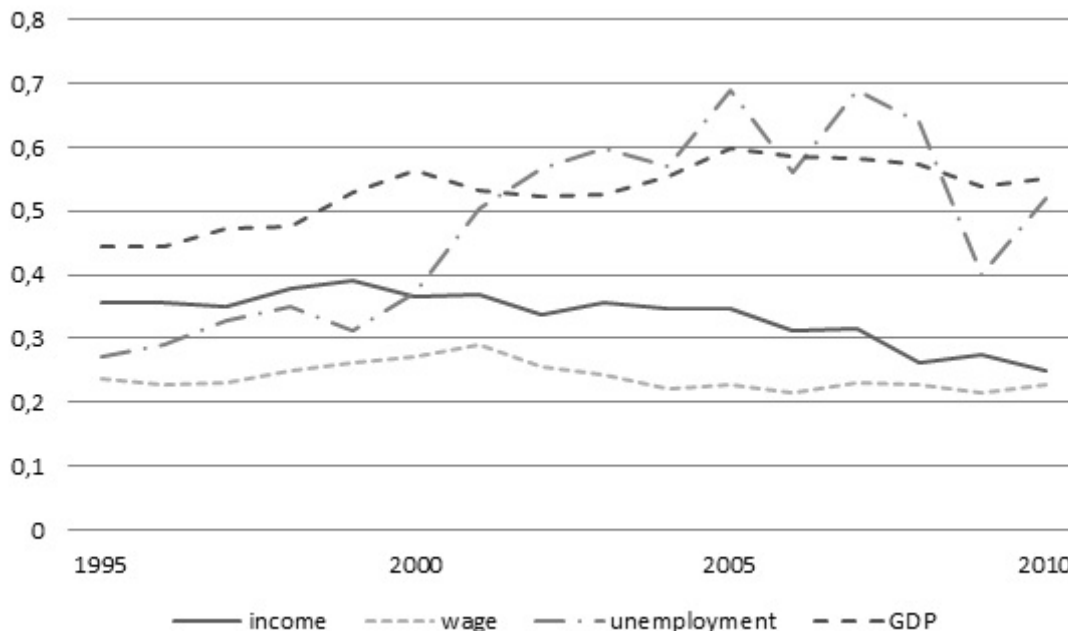
Наконец-то российские регионы сближаются

Важной чертой перехода России к рыночной экономике всегда были значительные различия между регионами. Объяснение – в том, что до перехода к рынку в стране сложилось географическое распределение населения и капитала, определявшееся нерыночными силами. Советская политика индустриализации зачастую преследовала политические и геополитические цели. Даже когда в ней отражались экономические реалии, сам процесс принятия экономических решений искажался вследствие централизованного планирования, искаженных цен, кросс-субсидирования. К тому же размещение производительных сил отвечало интересам не столько России, сколько другой страны – СССР (или даже всем странам СЭВ). Более того, убежденные в том, что *экономика от масштаба* имеет преимущества перед конкуренцией, советские руководители создали большое число моногородов [1]. Такие поселки, города и даже регионы опирались на одну отрасль. Поэтому реструктуризация экономики и межотраслевое перераспределение производства подразумевают перемещение работников и капитала не только между работодателями в одном городе, но и между городами.

Несмотря на необходимость географического перераспределения производства в период перехода к рыночной экономике, различия между регионами России в течение 1990-х годов оставались значительными (и даже увеличились!). Однако после 2000 г. (особенно в конце первого десятилетия) произошло существенное сближение доходов и заработной платы (рис. 1). К 2010 году это привело к уменьшению межрегиональных различий в доходах – в соответствии с европейскими уровнями. Хотя межрегиональные

различия в России все еще существенно выше, чем в США и Западной Европе, они уже сопоставимы с ЕС (рис. 2).

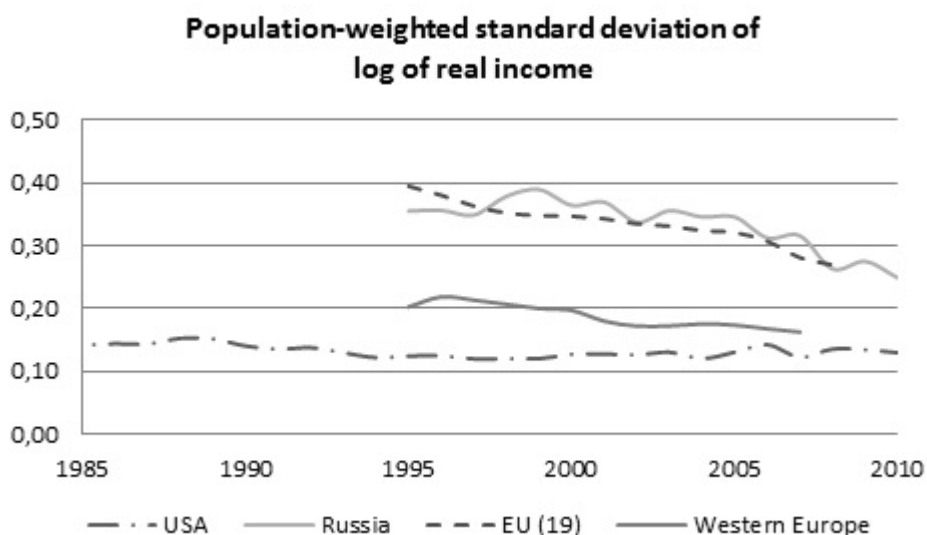
Рисунок 1. Различия между регионами России (логарифмическая шкала): реальные доходы населения, реальная заработная плата, уровень безработицы, ВВП на душу населения

Источник: Guriev and Vakulenko (2012)

Примечание: Все переменные измерены как стандартные отклонения, взвешенные с учетом численности населения

Рисунок 2. Разница в доходах в России, Европе и США

Примечание: Для ЕС и Западной Европы единицей наблюдения является «регион NUTS-2» (Файл NUTS-2: «Номенклатура территориальных единиц для целей статистики») [2]

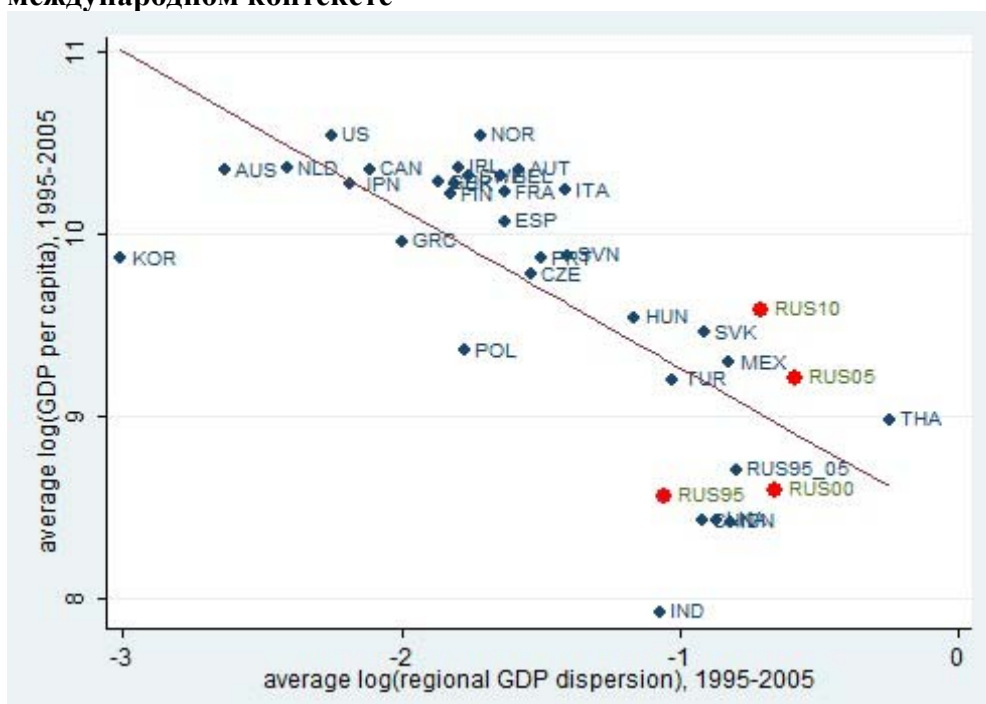
Интересно, что между регионами России, несмотря на конвергенцию по величине доходов, не произошло конвергенции по показателю ВВП на душу населения.

Межрегиональные дисперсии величины ВВП на душу населения остаются высокими не только по европейским стандартам, но и по стандартам менее развитых стран. На рис. 3 Россия представлена в международном контексте [по расчетам, недавно проделанным *Che and Spilimbergo* (2012)].

Che and Spilimbergo вычислили межрегиональные различия для 32 стран и сопоставили их с показателями ВВП на душу населения (в среднем за 1995-2005 годы, в долларах по реальному курсу, в пересчете по ППС). Их главный вывод сводится к тому, что между межрегиональными различиями и показателями ВВП на душу населения существует отрицательная корреляция.

Поскольку Россия не включалась в расчеты *Che and Spilimbergo*, соответствующие расчеты для России произвели *Gurieva and Vakulenko* (2012), причем не только за 1995-2005 годы в среднем (что они проделали и для других стран), но и за отдельные годы: 1995, 2000, 2005 и 2010. Оказалось, что, если в начале 1990-х годов Россия была «аномально единообразна», то в конце 1990-х годов она пережила существенную дивергенцию. Процессы дивергенции продолжались даже в начале 2000-х годов, хотя и слабее, так что Россия, учитывая уровень её ВВП, стала «аномально неоднородной». Хотя в конце первого десятилетия произошла некоторая конвергенция, Россия остается «аномально неоднородной» страной. Учитывая её быстрый экономический рост после 2000 года, Россия должна была бы стать существенно «более однородной» (по крайней мере, с учетом нисходящего графика зависимости между доходами и межрегиональным неравенством, по данным *Che-Spilimbergo*).

Рисунок 3. Межрегиональная дисперсия России (по ВВП на душу населения) в международном контексте

Источник: *Che and Spilimbergo* (2012)

Примечание: Линия тренда рассчитана без учета России

Почему конвергенция по доходам не произошла в 1990-х и началась лишь после 2000 года? Почему не происходит сближение регионов по цифрам ВВП? Большие межрегиональные различия согласуются с сокращением разницы в доходах, заработной плате и безработице, только если производственные факторы (труд и капитал) стали

более мобильны, тогда как разница в производительности (в связи с географией, политическими и экономическими институтами, а также унаследованными различиями в инфраструктуре) сохраняется. Таким образом, для понимания конвергенции доходов необходимо рассмотреть мобильность труда и капитала.

Межрегиональная мобильность трудовых ресурсов в России

Изучавшие внутренние миграционные потоки в России в 1990-х годах, *Andrienko and Guriev (2004)* показали, что отсутствие конвергенции объясняется «ловушкой бедности». В общем, россияне переселялись из бедных регионов в богатые. Тем не менее, в беднейших регионах России (примерно 30% регионов, где проживает $\approx 30\%$ населения России), потенциальные кандидаты на выезд хотели бы уехать, но не имели для этого средств. Таким образом, для таких регионов повышение доходов привело бы не к уменьшению, а к увеличению миграции.

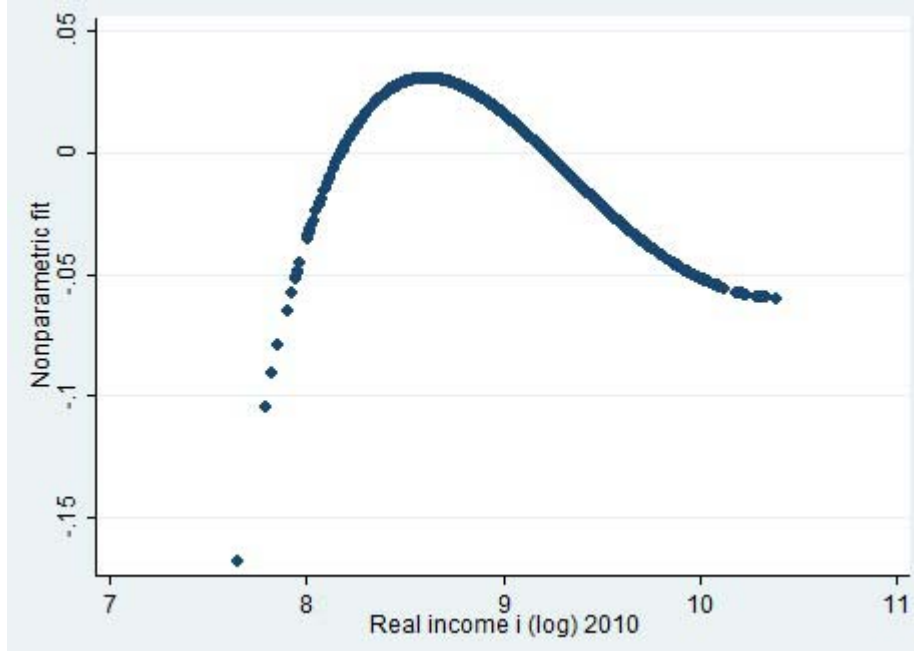
Что изменилось после 2000 года? Почему снизились барьеры, сдерживающие мобильность? Этому есть несколько возможных объяснений: (I) экономический рост позволил большинству регионов России вырваться из «ловушки бедности»; (II) с развитием финансового рынка и рынка недвижимости снизились операционные издержки перемещения трудовых ресурсов, а с ними уменьшилась и значимость «ловушки бедности»; (III) с развитием рынков капитала выросла его мобильность; (IV) федеральное перераспределение ресурсов уменьшило межрегиональные различия.

По мнению *Guriev and Vakulenko (2012)*, роль федерального перераспределения не была значительной, но другие три объяснения вполне согласуются с существующими данными. Из-за отсутствия подробных данных проделанный нами анализ потоков капитала оказался ограниченным, однако наше исследование панельных данных, касающихся чистого притока капитала и инвестиций, показывает следующее. Во-первых, капитал притекает в регионы с более высокой нормой отдачи и более низкими зарплатами и доходами, способствуя тем самым конвергенции. Во-вторых, между инвестициями в российские регионы и показателями сбережений нет корреляции, а это предполагает, что рынок капитала в России регионально не сегментирован. Поскольку наши данные о потоках капитала ограничены периодом после 2000 года, мы не можем сравнивать последние годы с периодом 1990-х годов, однако мы, по крайней мере, готовы утверждать, что в последнее время рынок капитала функционирует успешно и, видимо, вносит свой вклад в межрегиональную сходимост.

Поразительно, до какой степени «ловушка бедности» и нехватка ликвидности были раньше (но больше не являются) фактором, сдерживающим мобильность рабочей силы. Рис. 4 дает графическое изображение «ловушки бедности». Основанное на полупараметрических расчетах с учетом фиксированных региональных эффектов, оно иллюстрирует связь между доходами в «регионе отъезда» и уровнем миграции (оба показателя представлены в логарифмической шкале). Каждая точка на графике отражает миграцию из одного региона в другой в данном году (за период 1995-2010 годов). Как было сказано выше, эта зависимость не является линейной. Если «регион отъезда» беден, то рост доходов приводит к увеличению оттока населения, но если регион сравнительно богатый, то дальнейший рост доходов ведет к снижению уровня миграции. Пик миграции достигается при логарифме доходов в 8,7, что дает средний доход, равный примерно 6003 рублям 2010 года, или 1,02 среднего прожиточного минимума по России в 2010 году. Регионы слева от пика попадают в «ловушку бедности», а регионы справа находятся в «нормальном режиме», где ограничения в деньгах не являются существенным барьером для миграции.

Если в 1990-е годы ниже этого порога (и, следовательно, запертыми в «ловушке бедности») были десятки регионов, то к 2010 г. ниже этого порога оставался лишь один регион. В этом смысле общий экономический рост позволил российским регионам вырваться из «ловушки бедности» путем преодоления нехватки ликвидных средств. Наши дополнительные расчеты показали, что смягчению ограничений по части ликвидности способствовало также развитие финансового сектора.

Рисунок 4: Доходы в «регионе происхождения» и показатели миграции [3]

Примечание: Результаты полупараметрической оценки

Что дальше?

Должны ли нас беспокоить значительные межрегиональные различия в цифрах ВРП на душу населения? Не обязательно. Для обеспечения межрегиональной конвергенции по доходам и заработной плате не требуется сходимости показателей ВВП на душу населения. Как только устраняются барьеры на пути движения труда и капитала, мобильность (или даже её угроза) служит работникам защитой от эксплуатации. Поэтому сам факт сохранения значительных межрегиональных дисперсий в цифрах ВВП на душу населения, как таковой, не должен служить оправданием для государственного вмешательства (например, в виде государственных инвестиций в тот или иной регион).

Поскольку большое значение для сходимости имеет снижение барьеров, препятствующих мобильности, то именно здесь государство может сделать больше всего. Наилучшей политикой по сокращению межрегиональных различий в доходах является развитие финансового и жилищного рынков, а также улучшение защиты прав инвесторов; эти факторы уже сократили разницу в доходах между регионами России.

Впрочем, мы должны сделать важную оговорку. Наш анализ был проведен на региональном уровне, поэтому мы не затрагиваем субрегиональный уровень, и не можем ничего сказать о необходимости мер правительственного воздействия на уровне городов. Есть немало примеров «ловушек бедности» на уровне отдельных городов (например, «моногорода»). В таких случаях государственное вмешательство может быть оправданным и желательным. Результаты наших исследований показывают, что в

России в 1990-е гг. «ловушки бедности» на региональном уровне действительно существовали. Возможно, что на городском уровне они существуют до сих пор. Мы не можем экстраполировать величину «порога доходов» (как она рассчитана при определении «ловушки бедности») с регионального уровня на уровень города, однако наш анализ дает очень четкие качественные критерии для государственного вмешательства. Если среднестатистический горожанин выигрывает от переезда из конкретного города, но не может оплатить переезд (например, потому что его/ее недвижимость ничего не стоит), то правительство может и должно вмешаться, поддержав финансовых посредников, способных финансировать эту миграцию. Таким образом, результаты нашего исследования подтверждают «идеологию» правительственной программы реструктуризации моногородов.

Ссылки на источники:

- Andrienko, Yuri, and Sergei Guriev (2004). “Determinants of Interregional Mobility in Russia: Evidence from Panel Data.” *Economics of Transition*, 12 (1), 1-27.
- Che, Natasha, and Antonio Spilimbergo (2012). “Structural reforms and regional convergence.” CEPR Discussion Paper No. 8951.
- Guriev, Sergei and Elena Vakulenko (2012). “Convergence among Russian regions.” Background paper for the World Bank’s Eurasia Growth Project.

[1] Российское законодательство определяет моногород как город, в котором не менее 25% всех занятых работают на одном предприятии. Даже сейчас в *Программе правительства России по поддержке моногородов* перечислены 335 моногородов (из их общего числа 1099 городов и поселков городского типа), где проживает 25% городского населения России.

[2] ЕС (19 стран): Бельгия, Чехия, Германия, Эстония, Ирландия, Греция, Испания, Франция, Италия, Латвия, Литва, Нидерланды, Австрия, Польша, Португалия, Словакия, Финляндия, Швеция, Великобритания. Для ЕС (19 стран) мы рассматриваем только те единицы NUTS-2, по которым данные имеются за каждый год. Западная Европа: Австрия, Бельгия, Германия, Ирландия, Греция, Франция, Италия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Финляндия, Швеция и Великобритания.

[3] На графике дана зависимость между логарифмом реальных доходов в *регионе выезда* и логарифмом миграции, с учетом уровня доходов в *регионе въезда*, уровней безработицы и доступа к общественным благам в *обоих регионах (выезда и въезда)*, а также ряда других факторов, влияющих на миграцию. (Данные по Москве и Санкт-Петербургу исключены.)